

Г. И. КЛЕРЖЕ

<«...Экзамен на контрреволюционного полковника, политика, экономиста и дипломата он совершенно не выдержал с первых же месяцев своего Верховного управления»>

Сам адмирал Колчак имел весьма утомленный и безразличный вид. Не чувствовалось в его настроении того подъема, которым он горел на одном из памятных тайных заседаний в Корниловские дни в Петрограде. Когда зашел разговор с ним об этих воспоминаниях, от которых отделял промежуток времени около полутора лет, адмирал, грустно улыбнувшись, осведомился о судьбе некоторых из участников незабываемых им заседаний, но говорил о них таким тоном, что, видно, это его теперь интересовало не больше, «чем прошлогодний снег». Тяжелым крестом уже тогда легла на его плечи власть Верховного правителя, которую воспринял он перед этим всего лишь только полтора месяца тому назад.

Воля к власти у адмирала Колчака, как показалось в то время, совершенно отсутствовала. Если в Петроградский период он с подъемом шел навстречу революционной буре, то теперь, испытав немалые тернии, видимо, он обнаружил уже признаки заметного разочарования. Полупассивное настроение Верховного правителя явно не понравилось тогда автору настоящих воспоминаний.

Адмирал не должен был бы оставаться только «адмиралом», но, как вынес первое свое впечатление автор настоящих воспоминаний в Омске, А. В. Колчак был не на своем месте. Он не вдохновлял на политический подвиг людей, он не имел с ними общего языка, он не импонировал, наконец, ни своим пафосом, ни своим политическим обоснованием. Будучи адмиралом, он не правил тем государственным кораблем, который попал, почти случайно, под его управление, но он сам плыл по «воле волн» неустойчивой и разноречивой политики и поддавался под различные персональные, партийные и даже иностранные влияния. <...>

В Омске адмирал Колчак создал самую обыкновенную канцелярскую рутину во всех министерствах и ведомствах и дал возможность развиваться невероятному бюрократизму там, где должна была властвовать только одна жизнь, кипучая, творческая, созидательная. На этой почве потом пышным цветом распустилась канцелярская мертвечина, которая убила и самое дело, и самого же несчастного адмирала А. В. Колчака.

Нам, современникам, еще трудно быть беспристрастными судьями этих печальных событий, тем более что в каждом из нас есть частица ответственности за все содеянное нами и упущенное в былых возможностях.

Но кому много дано, с того много и спрашивается. Адмиралу А. В. Колчаку было «много дано», но спрашивать от него не пришлось, так как рок судьбы освободил его от последующей тягчайшей ответственности.

Да не в суд и не в осуждение будь сказано, но надо, во имя отвлеченной справедливости перед историей Белого (национального) русского движения, признать, что натворено было много грубейших ошибок и упущений, в результате которых была потеряна армия, территория и золотой национальный запас. <...>

Надо честно признать, что те, которые выдвинули адмирала Колчака на такую недосягаемую высоту государственного долга и служения, тоже совершили не меньшую, чем он сам, ошибку, ибо, сделав эту ошибку, они могли бы и исправить ее, преподав адмиралу своевременный совет к последующему самоустранению. Они, кто возвели адмирала, не могли не видеть того, что экзамен на контрреволюционного полководца, политика, экономиста и дипломата он совершенно не выдержал с первых же месяцев своего Верховного управления. Особенно тягостны были последствия от промахов в области выбора внешней ориентации и от полного неучета и неиспользования помощи движению в Сибири со стороны Японской империи. Этого промаха будущая история никогда не простит.

